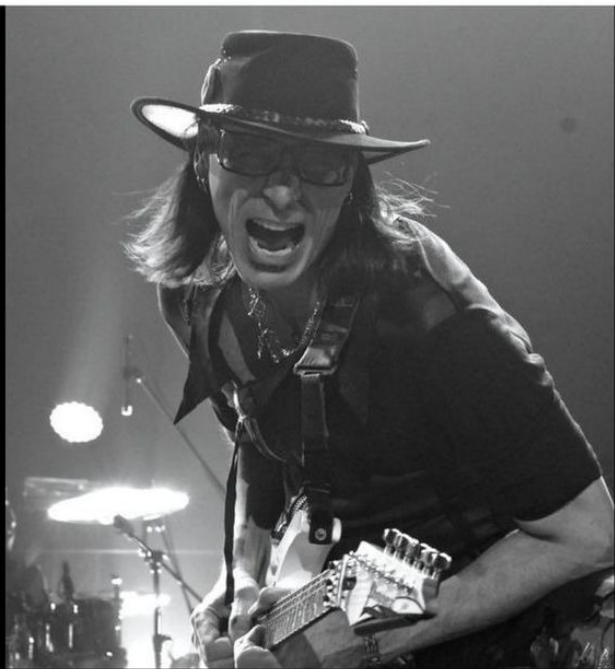

18+

Дарья Эпштейн
Звезда рок-н-ролла

Дарья Эпштейн

Звезда рок-н-ролла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50174178

ISBN 9785449810137

Аннотация

Медленно, подтягиваясь за перила по обеим сторонам, Джимми поднялся вверх. На площадке перед дверью студии стояла его любимая гитара – Мейзи, по имени его первой любви. Он поднял ее, прижал к груди и пристроил пальцы на грифе. И качнулся назад. Ему удалось упасть с лестницы так, чтобы не повредить гитару. Правда, при этом он свернул себе шею. Когда из спальни на шум выскочила полураздетая Лин, Джимми был уже абсолютно мертв. Думаете, на том дело и кончилось? Дудки, здесь все только начинается.

Звезда рок-н-ролла

Дарья Эпштейн

© Дарья Эпштейн, 2020

ISBN 978-5-4498-1013-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Джимми был пьян. Его группа только что вернулась из тяжелого двухлетнего тура, и ребята решили слегка отметить это дело. Ну, почти слегка. То есть, ого-го как. Он смутно помнил сверкающую стриптизершу и пару моментов, о которых не стал бы рассказывать жене. Когда такси подвезло его к дому, Джимми вывалился наружу, немного полежал на траве и пошел к двери. На четвереньках.

У самого порога он попытался принять вертикальное положение. После третьей неудачной попытки Джимми с тоской подумал о Лин и своей пятилетней дочери. Когда вечеринка началась, он, уже предчувствуя, что ничем хорошим это не закончится, позвонил жене и попросил его не ждать. Она, как умная женщина, воздержалась от комментариев. И теперь наверняка спала, как младенец. Меньше всего ему хотелось бы ее разбудить. Жаль, что Бобби еще не вернулся – ему уже двенадцать, и он, черт возьми, тоже мужчина.

Джимми вздохнул и попробовал еще раз. Теперь ему удалось продержаться ровно столько, чтобы открыть дверь и попасть внутрь. Он чуток посидел на полу. В его голове грохотала новая песня, и это было лучшее, что он когда-либо писал. Нужно было схватить ее, пока она не исчезла.

Его домашняя студия была на втором этаже. Джимми собрал волю в кулак, встал и прошатался к лестнице. Лестница возвышалась.

Медленно, подтягиваясь за перила по обеим сторонам, Джимми поднялся наверх. На площадке перед дверью студии стояла его любимая гитара – Мейзи, по имени его первой любви. Он поднял ее, прижал к груди и пристроил пальцы на грифе. И качнулся назад. Ему удалось упасть с лестницы так, чтобы не повредить гитару. Правда, при этом он свернул себе шею. Когда из спальни на шум выскочила полураздетая Лин, Джимми был уже абсолютно мертв.

Думаете, на том дело и кончилось? Дудки, здесь все только начинается.

Дождь лил третьи сутки. Было десять вечера. Две длинноволосые фигуры стояли на лестнице под козырьком и курили. Козырек принадлежал репетиционной точке, находился в дорожном районе и по сути представлял собой место скорби. Музыканты приходили сюда, когда дело не ладилось.

А дело ни черта не ладилось. Айзек Гриммерман, ударник, сплюнул под ноги и посмотрел на компаньона.

– Дохлый номер, – сказал он.

Фрэк Сандерс, басист, отправил окурок в урну и мрачно кивнул:

– Не Джимми.

– Не Джимми.

Эти двое были знакомы пятнадцать лет, и двенадцать из них время от времени играли вместе, с самыми разными музыкантами. Они были круты. Они были классикой и почти легендой. Но лучшим периодом в своей жизни оба считали те несколько лет, что провели в группе покойного ныне Джеймса Макмерфи. На их языке «не Джимми» означало что-то неудовлетворительное. Причем спектр этой фразы был чрезвычайно широк – от легкого личного недовольства коллегами до полного отстоя. В последнем случае к «не Джимми» прибавлялось «совсем».

– Знаешь, мне его не хватает, – признался Фрэк.

– Мне тоже. Десять лет прошло... Надо же было так глупо помереть!

Они помолчали.

– Он бы даже этот курятник расшевелил, – с тоской сказал Айзек.

– Ну... – Фрэк вспомнил нынешнего вокалиста с безумными глазами и белыми следами под носом, и в голосе прозвучала неуверенность.

– Ладно, мы оба знаем, Джимми бы его вышиб. Кой черт Лукас его держит, понять не могу.

Айзек тоже докурил, и теперь просто пялился на дождь. Мокрая и холодная тоска начала его накрывать, а это было плохо.

– Я тут кое-что продумывал, – начал Фрэк.

Айзек повернулся к нему и вопросительно приподнял бровь. То, что изобретал Фрэк, обычно было дельным.

– Надо бы помянуть братишку, – сказал тот. – Ты как насчет большого концерта?

Гриммерман взгляделся в лицо приятеля, тщательно его изучил и убедился, что тот не шутит. Тогда он спросил:

– Насколько большого?

– Помнишь тот стадион, на котором мы выступали перед последним туром? – Фрэк казался равнодушным, но в глубине его глаз горели адские искорки.

– Ну?

– Вот примерно настолько.

Айзек присвистнул. Десять лет назад это было легко. Они были моложе, глупее, и на волне. Сейчас многое изменилось.

– Думаешь, соберем? – спросил он осторожно.

– Нет, не думаю, – ответил Фрэк. – Уверен. Джимми всегда собирал.

– Джимми мертв.

Фрэк усмехнулся:

– Моррисон тоже мертв, как доска. Но ты же не перестанешь его слушать. Умирают тела, брат. А музыка живет вечно.

*****

– Да! Нет-нет, Сергей! Мне нужен Сергей! По буквам: С-Е-Р... Да вашу мать, говорит там кто-нибудь по-английски?

Лукас Осипович зажал телефон плечом и вытер вспотевшую лысину под ермолкой. Он был маленьким и щуплым, он был правоверным иудеем, он был менеджером и продюсером покойного Джимми и его группы. Сейчас он пытался проораться сквозь шум вечеринки, происходившей, кажется, в другой вселенной.

– Ирочка, прошу, если придет Фрэк, не пускай его ко мне, – сказал Лукас стоявшей рядом секретарше. – Я его убью.

Ирочка серьезно кивнула и отошла. А Лукас продолжил материться в трубку. В конце концов, его собеседника озаарило, и он таки выдал вразумительный ответ. Лукас записал продиктованный номер прямо на ладони, сбросил вызов и разразился виртуознейшей бранью.

– Ирочка! Фрэк здесь? Давай его сюда срочно.

Секретарша невозмутимо удалилась и вернулась в сопровождении басиста. Он встал перед Лукасом и молча ждал, что будет. Лукас постукивал по столу короткими пальцами и сопел.

– Это самая придурочная из всех твоих гениальных идей, – изрек, наконец, менеджер. – И знаешь, почему?

– Потому что она тебе нравится больше остальных? – невинно спросил Фрэк.

Лукас метнул на него яростный взгляд.

– Нет! Потому что это невозможно! Я полдня искал Рыбешку, обзвонил почти всю проклятую Россию вместе с Белоруссией. В итоге кто-то из его долбанутых дружков вспомнил, что он сейчас, так сказать, в санатории.

– Так сказать? – повторил Фрэк.

– Слушай, я не бог. Я не могу достать тебе его из шляпы. Нам нужен другой клавишник. Точка.

– С другим ничего не выйдет, ты же понимаешь, – возразил Фрэк. – Так что за санаторий? Есть у тебя телефон?

– Угу, – Лукас мрачно кивнул и посмотрел на свою ладонь. – Есть. Только это не совсем санаторий. Это психушка.

Сергей Гарин, он же – Серж, он же – Рыбешка, сидел на кровати в своей палате. Палата была на двоих, но его соседа недавно отправили домой, и это было ништяк. Рыбешке не нравилось общество. Он не любил разговаривать.

Он вообще мало что любил. Но люди его особенно нервировали. Они постоянно что-то говорили, рассказывали о себе, высказывали свое мнение, как будто это кого-то интересовало. Шумели. В этом не было смысла.

Смысл был в музыке. Музыка была всюду, и Рыбешка мог доставать ее из чего угодно. Он играл на вилках, расческах, пилах, на пустых бутылках, на тубиках зубной пасты. Но больше всего ему нравились клавиши. На них он играл как бог.

Еще пару-тройку лет назад за него дрались несколько про-

ектов. Ему предлагали много денег, славу и черт знает что еще, лишь бы он играл. Рыбешка играл. А потом от него очень деликатно избавлялись. Не из-за музыки, нет. Очень сложно работать с человеком, которому время от времени нужно отдохнуть в психушке. Особенно потому, что иногда ты понимаешь, что уже пора, раньше самого человека.

Сергея наигрывал на пластиковой ручке. Он вытащил из нее стержень, проплавил несколько дырочек, но звук ему не нравился. Нужно было что-то добавить. Он потянулся за блокнотом, чтобы вырвать из него лист бумаги, и услышал в коридоре голоса.

– ... никого не хочет видеть. Он выразился достаточно ясно, – говорил врач.

Ему отвечал низкий, грудной женский голос:

– Я уверена, мне он будет рад.

Возникла пауза, и Рыбешка мог бы поклясться, что на грани слышимости уловил шуршание переходящих из рук в руки банкнот.

– Просто скажите ему то, что я просила. Сами увидите.

– Хорошо, – ответил врач уже не так норовисто, – но если он откажется...

Дверь в рыбешкину палату медленно открылась, и на пороге появился Семен Георгиевич, его врач. Он выглядел немного смущенным, а из кармана – о да! – торчал уголок купюры.

– К тебе посетитель, Сереж. Она просила передать, это про Джимми.

Имя подбросило Рыбешку на кровати, он встал и устался в дверной проем. На вопросительный взгляд Георгия он ответил кивком, и тот свинтил, уступая место... Ух ты...

Сначала в палату вплыла грудь. Потом – ноги. И только потом – наконец, она, вся целиком. Серега никогда не понимал, как это у нее получалось так появляться.

– Ирочка, – сказал музыкант почти нежно и расплылся в улыбке.

– Здорово, Рыбешка, – сказала лукасова секретарша и села на койку напротив. Она перешла прямо к делу, так, как он любил – Сыграешь для Джимми?

Через четыре часа они уже были в самолете. По идее, из психушки так просто не выписывают, но ирочкина грудь и ирочкины деньги были неодолимой силой. Бастилия пала.

Единственная сложность возникла уже в аэропорту – Рыбешка никак не хотел расставаться со своей свистящей ручкой, а служащие никак не хотели пускать его с ней в самолет. Но Ирочка умудрилась уладить и это, и теперь вполне довольный жизнью клавишник наблюдал в иллюминатор, как земля летит в никуда. Теплый ирочкин бок щекотал его руку сквозь фланелевую рубашку. От запаха ее духов шевелились волосы на затылке. Они не виделись почти восемь лет.

– Ты не изменилась, – сказал Рыбешка.

Ирочка пожала плечами:

– А зачем? Эта версия меня мне вполне нравится.

Она распечатала принесенный ланч, понюхала булочку и,

поморщившись, отложила ее в сторону. Наблюдательный Серега заметил несколько морщинок возле ее глаз – все-таки время имело над ней власть. Впервые он подумал, что и сам, должно быть, постарел. Может, и волосы стали редеть? Он провел рукой по нечесанной шевелюре и удостоверился – нет, все нормально, по-прежнему как спутанный мох.

– Вот что мне интересно, – сказал Рыбешка вслух, – Мы все соберемся, как в старые добрые. Все на своих местах. Я на клавишах, Фрэк на басу, Айзек на ударных. А кто заменит Джимми?

Ирочка усмехнулась и протянула задумчиво:

– Джимми незаменим... – потом тряхнула головой и повернулась к Сереге всем телом: – Не знаю. Лукас кого-нибудь найдет. Если кто сможет, так это он.

Серега уставился на ее губы. Сегодня без помады. Он смотрел, а губы улыбнулись и произнесли:

– Я скучала, Рыбешка.

Весь оставшийся путь они целовались. Лукас увидел Рыбешку только следующим вечером, но он был к этому готов.

– Фрэк, ты что, с похмелья? Ну серьезно, – Айзек прекратил играть и посмотрел на басиста. Тот ответил ему мрачным взглядом исподлобья.

– Угу.

– Просто зашибись! Первая репетиция, и что? – глаза Айзека пылали. – Это все твоя идея, и ты...

– Я вчера прослушал 64 записи, – сказал Фрэк, откладывая гитару. – Где-то на середине напился, потому что это невозможно слушать трезвым. Это не то, что не Джимми, это даже не его левая нога!

Айзек почесал палочкой за ухом. Он предполагал, что будет трудно. Конечно, у них был Лукас, который мог откопать все, что угодно и кого угодно. Но даже он не умел оживлять мертвецов. Шестьдесят четыре записи...

– И что они пытались сыграть? – спросил Айзек.

– Большой частью «Ты меня бесишь, детка».

Айзек застонал.

– Некоторые замахивались на «Безумного нищего», – добил его Фрэк.

Ударник схватился за голову. Даже самые отчаянные рок-н-ролльщики, безжалостно перепевшие все, что Джимми со-здал за свою недолгую, не рисковали трогать эти две песни. Куда катится этот долбаный мир? Айзек ощутил, как депрессия и отчаяние, эти две преследующие его гадины, выросли по обе стороны установки и протянули к нему жадные лапы.

В этот момент дверь распахнулась.

– Привет, парни, – сказал Рыбешка. – Что играем?

Фрэк и Айзек кинулись обнимать вновьприбывшего. Они хлопали его по спине, комментировали его внешность, задавали дурацкие вопросы, которые он рассеянно игнорировал, и в конце концов смилостивились и допустили его к клави-

шам. Рыбешка нежно погладил инструмент. Потом растопырил пальцы и без предупреждения заиграл. Фрэк и Айзек переглянулись с кривыми ухмылками – все как десять лет назад, бро – и включились в музыкальный поток.

Часа через три жизнерадостной ругани, споров и музыки Рыбешка вдруг остановился на середине песни.

– Парни, я вот что подумал, – сказал он, глядя поверх фрэковского левого уха. – Десять лет, концерт, все дела... А Джимми-то об этом кто-нибудь сказал?

Музыканты настороженно переглянулись. Они вдруг вспомнили, ОТКУДА привезли Рыбешку.

– Что ты имеешь в виду? – осторожно спросил Фрэк.

– А, не, я не спятил, я в норме, – спокойно пояснил Серега. – Я к тому, кто-нибудь ходил на кладбище?

По студии пронесся вздох облегчения. Айзек ответил:

– Вообще-то, нет.

– Ну так поехали, – сказал клавишник.

Было два часа ночи, но разве это могло их остановить?

Пух нервно оглядывался по сторонам. Он не любил кладбища. Да, он красил волосы в черный цвет и таскал на шее Анкх, но только потому, что это нравилось его девчонке. Ему было двадцать. Он сходил с ума по року.

– Ты хоть в курсе, куда идти? – раздался из темноты нервный шепот Гекаты.

На самом деле ее звали Алиса, но Пуху было велено за-

быть об этом, если он хотел продолжать отношения. Он судорожно сглотнул.

– Ага.

Этот путь он проделывал сотни раз, с тех пор, как ему исполнилось семнадцать, и он открыл для себя «Мертвого единорога». Геката сначала говорила, что со временем его отпустит, и он начнет слушать нормальную музыку, но потом сама подсела. Теперь она утверждала, что гитара Джимми заряжена темным волшебством, а сам Джимми продал душу дьяволу, чтобы так играть.

Сегодняшняя прогулка была полностью ее идеей. Ничего более отморозенного Пух еще не делал. Фонарик в его руке трясся, и в его свете казалось, что за надгробьями кто-то шевелится. Деревья же превращались в кровожадных, когтистых монстров.

Когда в трепещущем свете возник знакомый до боли склеп, он вздохнул с явным облегчением.

– Здесь.

– Ну, действуй давай тогда.

Геката тряслась. Планировать все это было намного веселее, чем выполнять. Но они уже были здесь. Пух стащил с плеча чехол с гитарой, а его подружка распаковала комбик и педаль. Фонарь он пристроил на ограде, и трясущимися пальцами подключил оборудование.

– Ну, готов?

– Вроде того.

Пух нервно облизнул губы. Нужно было что-то сказать.

– Э-э, Джимми, – начал он, и Геката подскочила от неожиданности. – Я хочу сыграть для тебя. У меня, конечно, так круто, как у тебя, не получится, но... Я долго тренировался и надеюсь, тебе понравится. Ну, или ты хотя бы не проблюешься.

Пух замолчал, прислушиваясь, как будто надеялся на ответ. Вокруг было тихо. Тогда он зажмурился и взял первый аккорд. Звук пронзительно разнесся в тишине кладбища, породив странное многоступенчатое эхо. Это было жутко громко. Но останавливаться было поздно и намного страшнее, чем начинать, и Пух играл. А потом он просто забыл, где находится, и что сейчас ночь. Он играл для Джимми, и выжимал из себя лучшее, на что был способен. Целых пять минут, или несколько вечностей, для него существовала только гитара. Когда песня закончилась, его оглушило тишиной. Он тяжело дышал и был весь в поту.

– Вау, – сказала Геката. – Круто.

Пух только улыбнулся. Он был в экстазе. И тут...

– Эй, парень!

Крик раздался из темноты в нескольких метрах от могилы. К ним приближался фонарь.

– Бежим!

Они понеслись по кладбищу. Геката впереди, а Пух отстал: на нем все еще висела гитара с подсоединенной педалью и комбиком, когда он побежал, они потащились следом.

Вот он выдернул провода и помчался куда-то во тьму. Гитара ужасно мешала. Фонарь приближался, а Пух даже не видел, куда бежал. Внезапно перед ним вырос склеп, и парень, не успев сманеврировать, впечатался в него боком. От удара перехватило дыхание, он согнулся пополам, а когда выпрямился, его пригвоздило лучом фонаря.

– Я не сделал ничего плохого! – закричал Пух. – Это же просто музыка!

– Просто музыка? Парень, это было лучшее, что я слышал за последнюю неделю. – ответил Фрэк Сандерс и опустил фонарь.

Айзек добрался до дома только к восьми утра. Голова гудела страшно, его слегка штормило – все-таки он давненько не напивался. Если подумать, то на репетициях они не пили лет десять, с тех пор как не стало Джимми... Но сегодня это было правильно.

Вот это была репа так репа! Айзек ухмыльнулся во весь рот и занес ногу на ступеньку лестницы, ведущей к спальне. Парнишка сперва стремался. Да и неудивительно, тут бы кто угодно струхнул. Но потом Рыбешка, молодчина, сгонял за портвейном, и дело пошло. Сложно стесняться людей, с которыми пьешь дрянной портвейн из горла. Они лабали, пока Фрэк не запутался в проводах и не рухнул на установку... Хорошо, что успел его подхватить...

Айзек в голос захохотал, но тут же виновато оборвал себя

и прислушался – не разбудил ли кого. Нет, все тихо...

Только после падения Фрэка парнишка – Пух, ну и имечко! – вспомнил про свою подружку. Надо было видеть, как он понесся к телефону! 62 пропущенных, ух и задала она ему жару.

«Со мной все в порядке, малыш, я тут вместе с Айком и Фрэком, и Сержем, из „Единорога“, мы всю ночь играли, я совсем не слышал звонков... Нет, я не шучу... Нет, я не надрался... То есть, надрался, конечно... Это охрененно, я сейчас приеду и расскажу... Ладно, сначала просплюсь, как скажешь...»

Они вызвали ему такси и отправили с ним Ирочку. Она была не очень-то счастлива, что ее вынули из постели в шесть утра и приставили нянькой, но парень жил с родителями, и без нее его бы просто убили. Мертвый гитарист играть не может.

Айзек добрал до ванной и, не глядя на себя в зеркало, сбросил одежду и встал под душ. Лукас будет счастлив. Надо завтра же дать ему прослушать записи. В смысле, уже сегодня. Ох, ну и дрянь же этот портвейн, где Рыбешка его только нашел...

Айзек обмотался полотенцем, дошлепал до кровати, устроился рядом со спящей женой и безуспешно попытался перетянуть на себя хоть немного одеяла. Потом вздохнул, вытянулся и закрыл глаза.

– Айк!

Айзек открыл глаза и уставился в потолок.

– Эй, Айк!

Айзек повернул голову. И подпрыгнул метра на два.

– Твою мать! Чертов портвейн!

– Что такое? – сонно спросила жена. Она приподнялась и посмотрела туда же, куда и Айзек. И тоже подпрыгнула – Твою мать!

– Привет, Айк, привет, Лин, офигенно выглядишь.

В их спальне, бывшей когда-то его собственной, стоял и улыбался полупрозрачный Джимми Макмерфи.

Айзек открыл и закрыл глаза, подергал себя за мочку уха и потряс головой. Джимми не исчез. Лин во все глаза смотрела на своего мертвого мужа.

– Джимми, это ты? Настоящий, не проекция, не чья-то дурацкая шутка? – спросила она. Голос дрожал.

– Да я, я. Извини, что напугал, сам не ожидал, что тут окажусь, – сказал призрак и пожал плечами.

– Если это ты, скажи, что ты мне пообещал, когда у нас родилась Рони?

Джимми вздохнул, посмотрел на Айзека и вдруг подмигнул ему:

– Я обещал, что избавлюсь от этой овцы Мегги, которая пускает по мне слюнки.

– Джимми!

Лин слетела с кровати и кинулась обнимать его, но ее руки прошли сквозь его тело. Она упала на пол и вдруг зарыдала.

Призрак склонился над ней, хотел было погладить по растрепанной голове, но ничего не получилось. Тогда он посмотрел на Айзека и кивком указал на Лин. Айзек скатился с кровати и сделал то, чего не мог Джимми.

– Так вот почему ты ее тогда уволил, – сказал Айзек, пока Лин успокаивалась в его объятьях. – А я-то все думал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.